

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Четверг, пятница и суббота (Перевод с английского)

В оригинале название рассказа звучит как «Thursday, Friday and Saturday», автор ohio.

Вообще-то я начал размышлять о своём браке еще до того, как появилась эта фотография. Вот уже шесть недель Шеннон была сама на себя не похожа. А последние несколько дней были особенно напряженными — и я был почти уверен, что ее чертова сестра Нита была как раз в самом эпицентре событий.

И тогда я получил фото.

Я был за городом. Просто в этот раз работы было больше, чем обычно. Главный блок системы охлаждения в Университете Пердью вышел из строя, а их специалисты так и не смогли устранить проблему. Так получилось, что в компании Frazier HVAC, где я работаю, есть два высококвалифицированных инженера, способные справиться с подобными чрезвычайными ситуациями. К тому же была моя неделя работы по вызовам, поэтому я прибыл в Вест-Лафайет во вторник к вечеру и пробыл там до четверга. Около 21:00 мы наконец решили проблему. Я поужинал в университетском городке и примерно к 22 часам был в номере отеля, полностью вымотанный. Перед сном я отправил Шеннон быстрое сообщение, сказав, что собираюсь выспаться, а утром закончить тестирование системы и отправиться домой. Я скучал по жене и надеялся увидеть ее в пятницу за ужином.

С космической скоростью приняв душ и готовясь ко сну, я заметил сообщение от Роланда Брутона, моего лучшего друга из Frazier. К сообщению, в котором говорилось следующее: «Прости, чувак — я сделал это фото сегодня вечером в Casa Ole. Позвони мне, если захочешь поговорить», была прикреплена фотография.

В хорошо знакомом мне ресторане за столиком на двоих сидела красивая пара. Мужчина и женщина наклонились друг к другу, положив локти на стол и сцепив руки между собой. Они не отрывали пристального взгляда друг от друга. К сожалению, этой женщиной была моя жена Шеннон, а ее спутником был Эрик Честертон, один из ее сотрудников в библиотеке OSU.

Мне никогда не нравился Эрик. Он был в некотором роде занудным, напыщенным парнем. Но трахать мою жену? Я определенно не подозревал об этом. Да, признаюсь, в последнее время я беспокоился о нас в связи с ее странным поведением, но списывал это на влияние ее злобной сестры. Мне и в голову не приходило, что она может изменять мне, тем более с таким придурком как Эрик.

Чувствуя, что просто сидя там, я приду в еще большую ярость, я выключил телевизор и позвонил Роланду.

— Привет, Бен, — грустно сказал он — Извини, что испортил твой вечер.

— Да, я тут гуляю на вечеринке в Вест-Лафайете, — ответил я и сделал паузу — Вот дерьмо! Роланд, я думаю, тебе стоит рассказать мне о том, что ты видел.

— Мы с Эмили пошли на ужин в Casa Ole. Вечер был отличный, и мы почти закончили, когда увидели их — они были на другой стороне ресторана. Эмили заметила их первой и сказала: «Черт возьми, Ро, этого не может быть. Это ведь не может быть Шеннон?»

— Пару минут я просто смотрел, не зная, что мне делать, а затем снял ту фотографию. Могу тебе сразу сказать — они не целовались, не кормили друг друга из тарелок или чего-то в этом

роде — они были просто серьезны, сосредоточены друг на друге, как на фотографии, — он вздохнул — Мне очень жаль, Бен.

— А вы с Эмили видели, как они ушли? Есть идеи, ушли ли они вместе или куда направились?

— Мы наблюдали за рестораном из нашей машины в течение нескольких минут, но они так и не появились. Видимо, их рандеву слегка затянулось. В конце концов мы просто уехали, и я отправил тебе сообщение с фотографией. Прости, что мы не дождались их. Возможно, они только делали заказ и это могло затянуться неизвестно на сколько времени, а у нас дети, ты же знаешь.

Воцарилась тишина. Думаю, он знал, что мне сказать, не больше, чем я ему. Наконец он проговорил:

— Я знаю, что это отстой, чувак. Эмили хотела, чтобы я сказал, что она крепко тебя обнимает. Она чертовски злится на Шеннон.

— Ты знаешь, я тоже. Хотя пока я еще не осознал всего, но уверен, что буду харкать кровью через несколько часов.

— Работа в Пердью закончена? Когда ты сможешь вернуться домой?

— Да, утром мы проверим систему, а потом я поеду обратно. Хорошо, что у меня есть четыре часа в машине, чтобы остыть и напомнить себе, что не надо забивать ее до смерти торцевым ключом.

Он усмехнулся. Я бы никогда не ударил Шеннон, и Роланд знал это.

— Слушай, чувак, я... ну, мы с Эмили говорили об этом. Это может быть преждевременным, но... если тебе нужно место, где можно приземлиться на время, у нас есть комната для гостей, и она твоя. Ты знаешь, ребята были бы рады видеть тебя.

— Спасибо, Роланд. Дружище, действительно спасибо. Я понятия не имею, что мне делать, но буду иметь вас в виду. Я просто еще не понял до конца, понимаешь?

Мы тихо поговорили еще пару минут, а потом я положил трубку. Я выключил свет, лег и, к своему изумлению, почти мгновенно отключился.

Идеальных браков не бывает, верно? Я чертовски любил Шеннон и заботился о ней, как мог вот уже семь лет (первые три года мы встречались, а последние четыре были женаты), но всегда можно найти проблему. Если верить популярным книгам, два главных вопроса в отношениях — это деньги и секс. Так вот я всегда считал, что мы хорошо справлялись с этим. Ни один из нас не был расточительным, а секс по-прежнему был также важен, как и в первые месяцы наших отношений. Да, разумеется, первая страсть поугасла. Но пусть близость стала более рутинной — не такой удивительной или жаркой — всё же Шеннон тянулась ко мне почти так же сильно, как и я. Я никогда не чувствовал, что она устала от меня или что ей надоело то, что мы делали в постели.

Нет, вопрос был не в деньгах или сексе — у нашей проблемы было конкретное имя. Её звали Нита. Ей было 35 лет — примерно на четыре года больше чем мне и Шеннон — и она была властной, надменной и лживой занозой в заднице. В этом отношении ее муж Алекс тоже не был пай-мальчиком — он был симпатичным юристом, который думал, что его дерьмо не воняет, — но, по крайней мере, мне не приходилось его часто видеть.

Как ни странно, это прозвучит, проблема была еще и в том, что Шеннон обожала свою старшую сестру, и Нита постоянно торчала у нас дома. О, она всегда была полна... хм...

скажем так, советов по поводу того, как нам следует поступать.

— О, Шеннон, было бы гораздо разумнее поставить посуду в ЭТОТ шкаф, а специи перенести СЮДА.

— Неужели Бен ВСЁ ЕЩЁ готовит на газовом гриле? Древесный уголь намного лучше для вкуса мяса!

— Девушка, это зеленое кресло (мое любимое кресло в гостиной) ДАВНО ПОРА выбросить. Это просто трейлер-парк!

Улавливаете мою мысль, не так ли? Как же меня бесило то, что Шеннон никогда не отправляла свою сестру в далёкое путешествие! Я думаю, что это типично для младших и старших сестер, по крайней мере, иногда.

Но самое худшее — я избавлю вас от длинного списка других грехов Ниты — было то, как она хулила меня, причем всегда за моей спиной. При мне она была тошнотворно мила, постоянно повторяя о том, насколько Шеннон повезло со мной, какой я внимательный, что я мастер на все руки в доме — бедный Алекс не мог даже поменять лампочку — и т. д.

Зато мне не раз приходилось слышать, как она унижала меня, когда думала, что они одни. Однажды она пила кофе с Шеннон на нашей кухне, когда я тихонько вошел в дом с заднего хода — то утро для меня началось с пробежки.

— Шеннон, детка, ты знаешь, я люблю тебя. Но Бен... он немного грубоват. Он далеко не так красив, как Кристофер или даже Том. А с ними у тебя были такие перспективы! К тому же, у него высшее образование, а что он делает? Занимается тем, что должен делать простой рабочий! Честно говоря, ты могла бы найти кого-нибудь гораздо лучше!

Я не мог поверить, слушая эту чушь! И мы были женаты уже почти два года в то время! Нита убеждает Шеннон вернуться к ее старым парням?

А однажды она буквально сказала следующие слова:

— Ты ведь не собираешься заводить с ним детей, не так ли? Но, блядь! — пять минут спустя она улыбалась мне в лицо и говорила:

— Эй, Бен, Шан и я просто сплетничаем о том, какой у нее прекрасный муж!

Чертова сука.

Как вы понимаете, у нас с Шеннон были свои споры по этому поводу. Она успокаивала меня, но ничего не сделала, чтобы это остановить.

— Детка, Нита на самом деле не такая уж и плохая — она тебя любит! Ты просто слышишь одно, а я — другое.

— Ты точно не собираешься заводить с ним детей? Как ты можешь позволять ей так говорить? — я в ярости ходил по спальне. Мне серьезно казалось, что я сойду с ума.

— Дорогой, она просто выпускает пар. Она любит тебя, ей просто нравится... Я не знаю... дразнить тебя. Это ничего не значит.

Та ссора была одной из худших. Я выплюнул несколько отборных непечатных слов, вылетел из дома и шесть часов сидел с моим приятелем Рафаэлем, барменом в «У Боба». Когда я вренулся домой была уже полночь. Шеннон спала в нашей постели, отвернувшись от меня. А утром мы едва сказали друг другу «доброе утро» и «есть еще кофе?», и так продолжалось пару дней. Конечно, постепенно наши отношения наладились.

К сожалению, проблему с Нитой мы так и не решили. И вот что было для меня удивительнее всего: я знал, что Шеннон любит меня, но не мог понять, почему она хоть раз не пошлёт свою гребанную сестру, не одёнет ее при подобных выходках. Все, что я мог сделать, это как можно

дольше избегать Ниты, находя причины убраться из дома, когда она приходила. И как можно меньше обсуждать ее с Шеннон.

Как я уже сказал, последние несколько недель перед поездкой в Вест-Лафайет были особенно напряженными. По какой-то причине Нита была рядом больше, чем когда-либо — казалось, что почти каждый гребаный день они с Шеннон подолгу разговаривали на кухне, когда я приходил с работы. И по этой, или по какой-либо иной причине, моя жена стала холодна и отдалилась от меня.

Шеннон знала, что лучше держать свою сестру подальше от меня, поэтому я понятия не имел, что происходит. Было ясно одно — что бы ни случилось, это крайне негативно отразилось на нашем браке. Наше общение с Шеннон в тот период было вежливым и спокойным, но кто, черт возьми, хочет быть «вежливым» со своей женой? Она выглядела настороженной, а секс сошел практически на нет. Самое большее, чем Шеннон «порадовала» меня за эти несколько недель — это обычные объятия. Наконец, атмосфера в доме стала настолько странной, что я почти перестал приближаться к ней.

Наверное, я не самый лучший парень в мире. Я не умею разговаривать по душам. Тем не менее, я несколько раз я пытался поговорить с женой.

— Милая, тебя что-то беспокоит? Нам нужно о чем-то поговорить? — и прочие вопросы подобного рода.

— О нет, все хорошо, просто небольшие сложности на работе или пара дел с Нитой. Не стоит твоего внимания. Спасибо за заботу, дорогой! — и яркая фальшивая улыбка, и поцелуй в щеку. Это все, что у меня было.

Это продолжалось достаточно долго, и я всерьез подумывал позвонить своей тете Гвен для долгого разговора. Кухню, и затем снова сел. Я пытался дышать ровно. Наконец я сказал:

— Да, хорошо. Извини. Давай. Я сказал, что выслушаю тебя и собираюсь сделать это.

Какая, блять, разница, да? Если она хотела начать с какой-то неуместной ерунды о своей сестре — это просто значило, что мне придется слушать немного дольше.

Она вновь начала говорить, глядя на меня с опаской.

— Ты знаешь, что я проводила с ней много времени в последний месяц. Я видела, как это тебя напрягало. Но я не могла иначе. Её дела с мужем стали совсем плохи — она начала подозревать, что Алекс ей изменяет, и около месяца назад поймала его в его же собственном офисе, на его столе, с одной из ассистенток.

Я просто наблюдал за ней. Думаю, мне было немного жалко Ниту, но в основном я задавался очень простым вопросом — зачем мне это слушать?

— Это было ужасно — Нита была обижена и сердита, и не знала, что делать. А Алекс продолжал извиняться, желая уладить это. Он сказал, что сделает все, что нужно — даже пойдет к консультанту по вопросам брака.

— А потом, во вторник... , — она остановилась, сглотнула, и ей пришлось перевести дух — Во вторник она сказала ему уйти. Она хотела развода, и он ее избил.

— Что?! Эта гребаный слизняк... Он ударил ее? Она в порядке?

— Она попала в больницу во вторник вечером. У нее сотрясение мозга и сломанная кость в предплечье. Плюс кучка синяков.

На мгновение я даже забыл о конце собственного брака.

— Прости, Шеннон. Этот трусливый сукин сын. Я бы никому не пожелал этого.

Она наклонилась вперед и взяла меня за руку.

— Спасибо, дорогой. Я знаю, что ты ее терпеть не можешь, и твоя реакция очень много для меня значит. Поэтому я перехожу к самой сложной части, — она сделала паузу, а затем сказала — В понедельник её выписывают из больницы, и ей некуда идти. Алекс настоящий ублюдок и не хочет уходить из дома, хотя сам дом принадлежит ей. Я хочу, чтобы она осталась здесь, в комнате для гостей на 2—3 недели. Я собираюсь взять отпуск по болезни и позаботиться о ней.

Видя, что я никак не реагирую, она бросилась дальше.

— Я знаю, что ты ее ненавидишь, и не хочешь, чтобы она была рядом с нами, но я ей нужна. Ей больше некуда идти. Пожалуйста, Бен — ее жизнь рушится, а я ее единственная сестра.

— Шеннон, ты права, она не самый любимый мой человек, но теперь это не имеет значения. Конечно, она может остаться с нами. Ты действительно думала, что я скажу нет?

Моя жена вскочила и, обогнув стол, плюхнулась мне на колени, а ее руки обвили мою шею. Она неотрывно смотрела мне в глаза и ее лицо светилось счастьем.

— О, спасибо, детка, спасибо! — Она поцеловала меня — Это будет не так уж плохо, вот увидишь — я позабочусь о ней, и мы не будем мешать тебе. И я обещаю, что не позволю ей унижить тебя — больше никогда!

Она была ТАК счастлива, что я просто не мог ничего с собой поделаться. Я прижал ее к себе, уткнулся головой ей в плечо, и чуть не заплакал. Минута слабости — всего одна минута — а потом я взял себя в руки. Я ссадил ее с колен на стул, подошел к раковине и налил себе стакан воды. Я действительно не мог больше ждать.

— Ладно, Шеннон, можем мы просто перейти к остальной части новостей? Давай просто покончим со всем этим, хорошо? — она озадаченно посмотрела на меня, и я тихо сказал — Правда? Ты даже не будешь честна со мной?

— Дорогой, я... я понятия не имею, что ты имеешь в виду. Что ты имеешь в виду, говоря «остальные новости»?

Я вытащил свой телефон, пробежался по галерее, пока не нашел фотографию, которую прислал мне Роланд, и сунул ее Шеннон в лицо.

— Это, Шеннон. Ты и этот засранец.

На секунду я замедлился — а что собственно ее чемодан делал у входной двери? Как она могла уехать, если Нита собиралась переезжать к нам?

Еще до того, как я смог обдумать это, она сказала:

— О Бен, это так грустно... Дело в его жене, Кэри. Их близнецам всего два года, а у нее рецидив рака груди, и он просто в ужасе.

Я тупо смотрел на нее.

— Так к чему эта встреча?

— Понимаешь, ему действительно нужно было поговорить об этом с кем-нибудь. Ее прогноз сейчас совершенно не ясен, — она замолчала и посмотрела на меня — Так ты думал, что это... Боже мой, ты думал, что это было свидание?

— Это чертовски точное определение того, о чем я думал! А как еще это выглядит? — теперь я даже не пытался держать голос ровным — И у Роланда и Эмили Брутон определенно создалось такое же впечатление — они оба готовы убить тебя.

Прежде чем я успел сказать или сделать что-нибудь еще, она прыгнула ко мне в объятия и прижалась так сильно, как только могла.

— Бенджамин Тимоти Хагерт, ты единственный мужчина, которого я любила, трахала и о

котором я думал последние семь лет. Эрик — мой друг и коллега, чья жена, возможно, умирает. Он просто хотел поплакать на чем-то плече, и я позволила ему это.

Мне было трудно дышать, и не только потому, что она не отпускала меня.

— Тогда... тогда что за напряженность царит между нами последние несколько недель? Мы не разговариваем, мы почти не занимаемся любовью. Что это было?

— Я просто беспокоилась о Ните, детка, а поговорить с тобой об этом я не могла. Тебе становится противно даже когда ты слышишь ее имя! Так что мне пришлось держать это все внутри себя. Мне жаль, что я так отдалилась от тебя. Я не могла думать ни о чем, кроме Ниты и о том, что этот подонок с ней делал.

— Хорошо, я... я понимаю это. Но... чемодан? Твой упакованный чемодан у входной двери? Она наклонила мою голову для долгого поцелуя, а затем посмотрела на меня. Ее глаза были влажными.

— Я ходила к Ните домой, чтобы взять для нее немного одежды. Теперь у нее будет все необходимое на следующие несколько недель. Я знала, что Алекс будет слишком труслив, чтобы остановить меня.

— Детка, мне ТАК жаль, что ты... Господи, у тебя была эта фотография с четверга? Ты, должно быть, с ума сошел! — не выпуская мою руку из своей, она потащила меня к лестнице

— Есть кое-что, о чем нам нужно позаботиться прямо сейчас.

Мы влетели в спальню уже практически без одежды... Поцелуи, слезы, объятия, несколько минут легкого любовного минета, и затем близость... Лёжа на ней, целуя ее губы, щеки и глаза, я занимался любовью с любовью всей моей жизни, погружаясь в ее тело, чувствуя, как она движется мне навстречу... обнимает меня и крепко сжимает мой член, страстно кончая подо мной, а затем вскрикивает, когда я наполняю ее.

Мы лежали, сонно, касаясь друг друга и тихо разговаривая.

— Ты действительно... Я имею в виду, Эрик? — ее голос был мягким и ласковым, дразнящим.

— Ты видела фотографию, детка. Ро и Эмили пришли к тем же выводам. Понимаешь... да, это отстой, что его жена больна раком, но я думал, что мой брак распался.

— Я думаю, что одного обманщика в семье более чем достаточно, — негромко сказала она — Бедная Нита.

Будь я проклят, если после вышеописанных событий всё не изменилось. Я имею в виду Ниту. Она буквально стала другим человеком — хотя, думаю, это неудивительно, учитывая то, через что она прошла. Но она была чертовски благодарна нам за то, что оказалась в нашем доме, и все время говорила Шеннон, какой приз выиграла мой жена. И это она про меня... Да... Она извинялась передо мной миллион раз, говоря, что ошибалась, что полностью недооценивала меня и т. д.

Хотя порой она всё же пыталась давать Шеннон советы, но теперь уже только по управлению домашними делами. Она даже немного готовила и делала работу по дому, когда ей стало лучше. Ну а затем, когда она нашла себе адвоката-бульдога, который хорошенько вцепился в Алекса, у нее появился доступ к деньгам и она нашла себе хорошую квартиру, пока сверкал фейерверк их развода. Она и Шеннон все еще встречаются и проводят много времени вместе, но, по крайней мере, мы вновь остались вдвоём в нашем доме.

Эта часть мне нравится особенно сильно. Только я и Шеннон — и почти второй медовый месяц. Мы оба стали больше дорожить тем, что у нас есть, и чертовски сильно заботимся друг

о друге. Наверное, нет ничего лучше, чем увидеть, как чужой брак может взорваться радиоактивной шрапнелью — это помогает больше ценить свой собственный.

И конечно, вопрос доверия. Как бы странно это ни звучало, но после случая с фотографией я стал по-настоящему доверять своей жене. Конечно, я могу ревновать ее к другим мужчинам, но мы всегда можем это обсудить.

Так что у нас гораздо больше улыбок и гораздо больше секса. Я просто не могу насытиться ею, и она, как мне кажется, чувствует то же самое. Будто мы вернулись в первые дни наших встреч, хотя теперь это даже лучше — ведь мы так хорошо узнали друг друга. У нас было много практики, если вы понимаете, о чем я.

Ах, да! Через четыре месяца мы узнали, что с женой Эрика все будет в порядке. Этот парень все еще большой слабак, но я рад за них.